

Биография. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Биография. Максим Горький

Она была одета в чёрное платье, чёрную бархатную кофточку с белыми меховыми оторочками и на голове имела широкую чёрную шляпу с множеством лент и белым большим пером. – Вы видите – моя дорогая – что я не игнорирую прекрасное, павшее на мою долю, и что я помню его со всеми мельчайшими подробностями. – Эта маленькая женщина была вашей предтечей, – что так очевидно! Она ещё тем была хороша, что сейчас же ушла, и таким образом то, что она дала мне, навсегда осталось чистым и целым. Вы, может быть, усмотрите в этом нечто намекающее и намеренное с моей стороны. Вы ошибётесь.

– Я вас люблю, и вы это знаете. Но как бы было хорошо, если б люди сеяли из желания оплодотворить почву, а не с целью собрать жатву! – Вот что я хотел сказать и знаю, что это глупо. Разве можно подозревать человека в бескорыстии и надеяться на него.

Следует возвращение в недра семейства моих хозяев.

– Выздоровел? – Вопрос гуманно-хозяйственный. – Книжек читать не станешь, небойсь? – Вопрос насмешливо предостерегающий. Этим заканчивается встреча, и снова начинается ряд однообразнейших безобразий, именуемых воспитанием сироты, дальнего родственника.

Я снова читаю книжки, ворую деньги на свечи и, наконец, пойман как раз на месте преступления, с пятиалтынным, только что вытасненным из кармана и крепко сжатым в руке. Следует допрос, строгий и всесторонне уясняющий. Побуждаемый желанием подзадорить судей ещё больше, я откровенно сознаюсь во всех грехах, неведомых им доселе, чувствую себя героем и до мельчайших деталей изъясняю, как я ревизовал карманы, умалчивая только о том, что уделял малу толику из наворованного и бабушке. – Получаю предварительную порку и обещание генеральной с двумя пожарными солдатами, как только прибудет дедушка.

Наступает ночь. Это была славная, манящая на волю весенняя ночь, из окна кухни я смотрел на небо, там всё было прекрасно, чисто и грустно, как всегда весенними ночами, впрочем, но та ночь была первой такой величественно ласковой и много обещавшей.

Поэтому я отворил окно, вылез на крышу и, оставив его открытым, слез с крыши на соседний двор, где, я знал, по ночам не запирались ворота, вышел на улицу и направился в поле. Ибо нигде так легко и хорошо не думается, как в поле. Но я не нашёл в ту ночь предметов, достойных дум, а просто лёг и стал смотреть, как горели и искрились звёзды, пока не уснул.

Проснулся оттого, что солнце жгло мне лицо. – Подумал, что надо идти к деду, – но вспомнил, что он говорил, и, зная его за человека, который не любит словами шутить, раздумал. Ворочаться туда, откуда убежал, даже и не подумал. Встал и пошёл.

Почему-то на набережную зашёл и остановился там смотреть, как пароход собирается отплывать. Есть хочется. Идёт человек в белой куртке и колпаке – повар, – в руках у него корзина с кучей французских булок. – Дяденька, дайте мне одну! – Пошёл ты!

– кричит тот. – Стой, погоди, идём со мной! – Этот неожиданный переход пугает меня тем более, что повар идёт на пароход, который сейчас уходит. Я вырываю руку. – Иди, дурашка, не бойся – я тебя так накормлю, что весь век сыт будешь. – Это он говорит так ласково и ободряюще, что у меня пропадает страх, и я вприпрыжку следую за ним.

Мы приходим в кухню, всю из железа, плита раскалена, как уголь, приятно и вкусно пахнет, и жарко, как в печи. – Ешь и слушай. – Мне дают хлеба и холодных котлет, я ем и слушаю. – Хочешь быть поварёнком? – Так как рот у меня полон, то я говорю головой – да! – Через час я весь в поту старательно мою посуду, шмыгаю носом, утираю его рукавом рубахи, направо и налево плещу водой и всячески развожу

вокруг себя грязь – что, взятое всё вместе, значит – «быть поварёнком»!

Мне понравилась эта бойкая, разнообразная впечатлениями жизнь с постоянной сменой лиц и картин природы. Повара и лакеи, конечно, были грязны и грубы и пошлы, но они любили меня за что-то, и за это, должно быть, я тоже любил их. Рабочий день начинался с шести часов утра и кипел безостановочно до десяти-одиннадцати вечера, а потом я уже был свободен от работы, и тут начиналось нечто непередаваемо хорошее и возвышавшее душу. Убрав кухню, я, иногда один, но большей частью в компании тех же поваров и лакеев, выходил на отвод парохода, мы готовили чай, ставили стол и долго сидели, разговаривая. Говорилось о разных житейских делах и о странных человеческих поступках, вызывавших мины и возгласы недоумения у собеседников.

Рассказывались странные, необъяснимые истории и случаи, иногда сказки, и чем позднее становилось, тем более разговор утрачивал грубый, скотский характер и принимал более чистый и человеческий. Это объяснялось тем, что луна всегда так ласково и нежно обливала реку, река задумчиво и увлекательно гудела под колёсами парохода и мягким, примиряющим звуком плескалась о берега, а они, эти берега, представляли из себя бесконечный ряд поэм, красивых, не поддающихся описаниям и заставлявших и думать и чувствовать глубже, чище, добрее.

– Грешники все мы! – вздыхал старый гренадёр Потап Андреев, старший повар, вглядываясь в плывшие мимо картины, покрытые чистым и ясным небом и залитые голубым серебром луны. Все вздыхали и иллюстрировали это неоспоримое положение, иногда рассказывая что ни то из своей жизни, подтверждавшее его, иногда вспоминая слышанное.

И в этих рассказах и в тоне их было столько теплоты, задушевности, хорошего и доброго, учившего меня понимать и любить человека. Эти публичные покаяния с полным отсутствием самолюбия в передаче хода совершения того или другого недоброго поступка давали понять ясно и просто, – как не дадут пятьсот томов книг, – что человек всё-таки хорош, и если он грязен и пошл, то это как будто бы не его вина – а так уж требуется кем-то или чем-то, и давали почувствовать, что он гораздо более глуп, чем зол.

Иногда и я рассказывал что ни то из прочитанного, и тогда Потап сажал меня на колени, пристально смотрел в лицо и говорил, когда я кончал рассказывать:

– Чудашноватый ты парень будешь, лёнька, уж это верно! Кончим рейс, скажу хозяину, чтоб он тебя совсем на кухню взял. Ступай-ка спи, пока что!

Но я не хотел спать, а оставался на отводе и смотрел фантастичные узоры, падавшие от берегов, поросших деревьями и кустарниками, на ласковые и сильные волны Волги, сливавшиеся в одно широкое, гладкое зеркало, радушно отражавшее в себе и бесконечно глубокое небо с огненными пятнышками звёзд и всё, чему хотелось посмотреть на неё. Я наполнял пространство картинами будущей жизни, она всегда была скромна и вся из поучительно добрых поступков. Вот я брожу с места на место и всем помогаю, уча грамоте и ещё чему-то. Меня все любят и ласкают, и везде я всем родной, и все мне родны и дороги, и чёрт знает до чего глупо и хорошо жилось под сладкую музыку из поэм природы с шёпотом волны, из звучных, детски чистых грёз и многого другого, чего теперь уже не помнишь и чего никогда больше не почувствуешь. Было и горе, но его можно на этот раз оставить, не вспоминая. Из этого не будет ущерба ничему.

По окончании первого рейса известил я тихонько бабушку о себе и передал ей три рубля – первые заработанные мной деньги, и затем ездил вплоть до глубокой осени. Наконец, последний рейс – и я слезаю на берег с чувством грусти, недоумения, куда направить стопы мои и двадцать семь рублей в кармане. Иду к деду. «Ага, явился, бродяга! Здравствуй, здравствуй!» У него было злое лицо, и он, я чувствовал, намерен был побить меня. Но пять или шесть месяцев, проведённые вне его ферулы, сгладили во мне страх пред ним и развили самостоятельность, а двадцать семь рублей дополняли ко всему этому чувство независимости. Решив держаться твёрдо и не позволять над собой насилия, я хладнокровно бросил узелок с вещами в угол на пол, храбро сказал:

«Здравствуйте!» и не менее храбро, вынув из кармана папиросу, стал раскуривать её.

Это его поразило, и он сел на стул против меня, вытаращив глаза и раскрыв рот. Ура! Я решил продолжать в том же духе и между двумя затяжками спросил его, сколько в месяц он возьмёт с меня за хлебы? Я рассчитал верно – его жадность взяла верх над горьким сознанием утраты своего авторитета и власти.

Когда пришла бабушка, мы с ним уже сидели и толково, ласково разговаривали.

Через две недели я поступаю в иконописную мастерскую Салабанова без жалованья – в качестве мальчика. Двадцать три человека горьких пьяниц и славных ребят, писавших лики бога и его святых, размашистых и с полным отсутствием во всех действиях чувства меры, прились мне по душе, и я им – тоже. Кончая работу, мы уходили в трактир петь песни и пить вино и до поздней ночи пели и пили.

Через два месяца я взят в лавку, опять как мальчик. Мой начальник, низенький во всех отношениях человек – приказчик С.Ш. – сначала очень внимательно и гуманно относился ко мне, даже записался по моей просьбе и совету членом в библиотеку и вместе со мной читал романы Салиаса, Мордовцева, де Трайля – и восхищался моим пониманием толка в книгах, но, когда однажды я заметил ему, что обворовывать хозяйку – слабую, пьяную старуху, – которая так любит его, нехорошо, он, должно быть, испугался, что я передам ей о его деяниях, и изменил отношения на более официальные и уместные между приказчиком, с одной стороны, и мальчиком, с другой. В сущности, я заметил это не потому, что был убеждён в преступности воровства, а потому, что такие деяния не имели ничего общего с благородными поступками господ Атоса, Портоса, Арамиса, короля Генриха IV и иными героями романов, к подражанию которым, по обоюдному нашему соглашению, и должна целиком сводиться всякая человеческая жизнь. После, кажется, пятимесячного [?] пребывания в лавке я поссорился с ним и получил от него очень подлую пощечину, данную мне очень трусливо и нерешительно. За это я разбил ему лицо – а за это был изгнан с места.

Очень дружно и тепло расстался с мастерской, где пользовался любовью, и снова поступил на пароход. Снова пять или шесть месяцев вольной, хорошей жизни, хотя и обильной работой, грязной и утомительной. Но я здоров, и работа мне была нипочём, а в конце её всегда стояло нечто восхитительно хорошее – именно чтение и беседы с матросами и служащими буфета – и созерцание красот Волги. Для чтения книги покупались мной на базаре – это были всё славные романы, рисовавшие хорошую любовь и добрые, человеческие подвиги, всегда идеально бескорыстные и самоотверженные.

О жизни они не давали ни малейшего представления, но этого от них и не требовалось, потому что все слушатели уже знали её и без книг прекрасно. И я знал её, больше, чем всякий другой в мои лета. Порой у меня так больно сжималось сердце и мне становилось так тошно и грустно, что эта боль долго ничем не гасилась и по целым дням и ночам посасывала меня. Ещё бы, на каждом шагу встречались люди, и в книгах таких не рисовалось, там даже злодеи были чисты и злодейски честны и человечны, а тут и «хорошие люди» были гораздо грубее, пошлее, грязнее и всячески уже их. Разговаривая о поступке какого ни то героя, человека с душой, чистой, как утренняя росинка, – мои дорогие слушатели весьма нередко обрывали на середине разговор, увлекаясь какой ни то пикантной и сальной подробностью, сыпя иглы остроумия и расплываясь в смачных улыбках по поводу её или переходя к игре в карты по первому предложению. Пикантные подробности были мне тогда противны почему-то и страшно мучили меня, являясь главной темой разговора, карт я не любил, потому что за ними всегда злятся[?]. И ух, как рано бы я потерял веру в хорошее и чистое человека, если б не надеялся, что за этим миром есть мир Атосов, Портосов, Д'Артаньянов и иже с ними! Да прибавьте к этому природу, бескорыстно тёплую и ласковую, заставлявшую идти ближе к людям, но ещё не успевшую научить меня глубже смотреть в их души – и потому всё возвышавшуюся в моих глазах в ущерб человеку.

Были, помню, моменты, когда я весь наполнялся странным чувством – хотелось спокойно и холодно обидеть всех, кто перед глазами, – обидеть до слёз! За что? Я бы не формулировал, наверно. Но это – скоро пропадало, уступая место горячо любопытному настроению, полному желания узнать: почему? зачем? как? – Дошлый мальчишка Лёнька этот! – говорили матросы, когда я одолевал их вопросами. – А на кой тебе ляд знать это? Пшёл! – осаживали меня, когда я слишком далеко высывывался из своего положения.

Биография. Максим Горький gorkiymaxim.ru

На что мне это, я не знал, конечно, – но что было нужно, это я чувствовал. Меня похваливали и удивлялись мне часто, может быть, чаще, чем я заслуживал этого. Как известно, у людей слабо развито чувство меры, и они, несмотря на свою ограниченность, всегда переступают границы. Я не могу смолчать о том, что похвалы эти пролетали мимо моих ушей и что сердце моё не обливалось маслом самообожания, – но моменты, когда я нравился себе, были очень кратки, они тотчас же поглощались поступающими ко мне запросами со стороны и нарождавшимися во мне самом. Я пытался вникать, уяснить, разлагать и чувствовал себя маленьким, бессильным мальчиком, который вскорости имеет быть раздавлен жизнью, если только не поспешит чему ни то научиться и приобрести себе точку опоры. Оглядываясь кругом и заглядывая вперёд, я видел, что мне неоткуда ждать помощи, и чувствовал нечто очень горькое и обидное. Сколько есть на свете гимназистов и других учёных, думалось мне, которым совсем не хочется быть такими, а вот... и хотел бы, да некогда, не зн... (В этом месте рукопись оборвана. – Ред.)

– Дни летели, ночи тихо про[ходили?], я – работал, вечно потный и грязный, и думал, думал, думал. Но это было совершенно бесполезно. Это доводило меня до слёз, которые я тщательно скрывал, и рождало унылое, нелюдимое настроение, заставлявшее меня избегать людей. Но я не избегал их и моей репутации весёлого и живого парня не портил – смутно чувствуя, что я делаю недурно, переламаывая себя. Приходилось очень много лгать и притворяться, очень много. Я смотрел во все глаза и ждал помощи. А перед ними вместо этой помощи вскакивали мутные пузыри человеческих отношений, назойливо предлагавшие мне разгадать их до тонкости. Количество их всё увеличивалось и поражало меня своей двуличностью, пошлостью и хитрой простотой или простой хитростью. Я констатировал удивительные явления. Вот он, человек номер 1, час тому назад дружески распивши бутылку водки с номером 2, говорит номеру 3, что номер 2 мерзавец – номер 2 дружелюбно докладывает номеру 4, что номер 1 дурак и не худо бы его облапошить во славу божию и ради науки впредь. Номер 4 сообщает с предупредительностью номеру 1 и, получив должное вознаграждение, уговаривается с номером 3 относительно общей атаки на тот же номер 1 – номера 5, 6, 10, 101 – все только и помышляют, как бы это поблагочестивее объегорить друг друга. Лгут и притворяются и по необходимости, то есть ради успеха в делах, и бескорыстно, науки и техники ради, и в видах бескорыстного служения чистому искусству лганья и притворства, и, наконец, без всякой видимой причины. Конечно, были факты и бескорыстной дружбы и самопожертвования и взаимопомощи. Я видел их много, и некоторые из них до сей поры целы и чисты. Но большинство хорошего оказывалось, по некотором изучении, ещё хуже дурного. Им или прямо хвалились, или, совершая его, отправлялись из желания похвалы публики. Хвалясь, смотрели на публику сверху вниз, а публика вслух одобряла, а втихомолку посмеивалась, злилась и всячески показывала свою независимость от благотворного влияния хорошего поступка. Конечно, я всё это скорее понимал, чем чувствовал. И, разумеется, всё это угнетало меня, наводило тоску, иногда я зверел, иногда думал о самоубийстве и, в глубине души надеясь на уяснение, жадно посматривал по сторонам, не идёт ли, мол, тот, кто даст мне точки, необходимые для жизни точки опоры.

Навигация кончилась. Я рассчитался и с неделю жил у деда, ища работы. В это время мне было особенно скверно. Денег я привёз мало, и дед торопил меня слезть с его шеи. Раз, рассердившись на что-то, он прямо посоветовал мне убраться, хотя бы, например, к чёрту. Я задумался и вышел в сени, разделявшие...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Башки buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!